Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156
https://elibrary.ru/ZVGCXL

© 2023. Татьяна Боборыкина
Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия

Слов *божественная высь*
(О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание»)

© 2023. Tatiana A. Boborykina
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The Divine Height of Words
(On a Couple of Words in the English Translations of *Crime and Punishment*)

Информация об авторе: Татьяна Александровна Боборыкина, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Факультета Свободных Искусств и Наук, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Университетская набережная, д. 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: t.boborykina@spbu.ru

Аннотация: В статье ставится вопрос о сложностях перевода русской классической литературы на английский язык. Порой даже одно неверно переведенное слово может полностью изменить если не сюжетный, то глубинный, философский смысл всего произведения. Незамеченные двойные смыслы слов — буквальный и иносказательный, и оставленные без внимания связки подобных слов в пространстве текста — все это может привести, в конечном итоге, к упрощению самого произведения, сужению его измерений и масштаба в восприятии иноязычных читателей, не владеющих языком оригинала. На примере сопоставительного анализа ряда переводов всего лишь двух слов из романа «Преступление и наказание» Достоевского становится очевидно, насколько сложна и ответственна работа переводчика художественного текста, тем более текста, слова которого устремляется в «божественную высь» своих означаемых, своих скрытых смыслов.

Ключевые слова: Пушкин, «Пиковая дама», Достоевский, «Белые ночи», «Преступление и наказание», переводы.

Для цитирования: *Боборыкина Т.А.* Слов *божественная высь* (О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 141–156. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156

Information about the author: Tatiana A. Boborykina, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Lecturer, Faculty of Free Arts and Sciences, St. Petersburg State University, Universitetskaia naberezhnaia 7-9, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: t.boborykina@spbu.ru

Abstract: The essay explores problems of translating Russian classical Literature into English. It happens that even one word is capable of changing if not the plot, then the profound philosophical message of a text. The double meaning, direct and indirect, of certain words, and their connections with other parts of the text that remain unnoticed, eventually lead to oversimplifying and narrowing the dimension and scale of the composition as a whole in the perception of readers incapable of comprehending the original. Comparative analyses of only two words in several translations of Dostoevsky's *Crime and Punishment* show the complexity and the responsibility of translations, especially the translation of a literary work, where the words rise into "divine height" of their signified and hidden meanings.

Keywords: Pushkin, "The Queen of Spades," Dostoevsky, *White Nights*, *Crime and Punishment*, translations.

For citation: Boborykina, T.A. "The Divine Height of Words (On a Couple of Words in the English Translations of *Crime and Punishment*)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 141–156. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156

Откуда ни возьмись —
как резкий взмах —
Божественная высь
в твоих словах —
И. Бродский

Способны ли «иноплеменные слова» передать «божественную высь» слов оригинала? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Все мы знаем, что художественный перевод — материя тонкая. «Искусство перевода», как об этом писал К. Чуковский, не терпит «рабственной» «буквальной копии» [Чуковский, 1968, с. 58]. Однако случается, что не точно, «не рабственно» переведенное слово, даже всего лишь одно, лишает читателя возможности уловить скрытый подтекст, скорее всего, не замеченный переводчиком. В этом случае «небуквальная копия» препятствует расшифровке того, что в этом слове заложено. Так, в одном из ранних, но до сих пор переиздающемся, переводов «Пиковой дамы» Пушкина на английский (T. Keane, 1894)

происходит замена слова «утроить» на более разговорное — «double» (удвоить). При такой вольности по отношению к оригиналу, исчезает закодированный в повести смысл и начисто ускользает идея, что еще до того, как графиня называет Герману три карты, он уже знает их, когда говорит сам себе: «вот что **утроит**, усемерит мой капитал» [Пушкин, 1959–1962, т. 5, с. 244], неожиданно оказываясь у дома графини. Однако, в переводе читаем: «<...> I shall be able to **double** my capital — increase it sevenfold <...> “Whose house is this?”» [Pushkin, 1994, p. 9]. У Пушкина, таинственные три карты как бы рождаются в безотчетном потоке подсознания Германна: «утроить» — тройка, «усемерить» — семерка, «дом графини» — одновременно и туз (дом), и дама пик (графиня). При замене всего лишь одного слова исчезает ключевая цепочка ассоциаций, таящая в себе глубинный подтекст, не всегда замечаемый, правда, не только переводчиками, но и читателем, свободно владеющим русским. Прежде всего, переводчик не рассматривает текст как некий шифр и отсюда его легкомысленное невнимание к каждому слову. Возникающие мелкие подмены лишают повесть ее внутреннего космоса, снижают план ее содержания до какой-то земной истории о человеке, который, проиграв все в карты, сходит с ума. Но текст Пушкина не так одномерен и прост, он состоит из бесконечно значимых деталей, и для того, чтобы переводить их на другие языки, необходимо увидеть и по возможности разгадать их смыслы. Однако, переводчик не утруждал себя этим заданием, и в его интерпретации «Пиковая дама» утратила свою психологическую трансцендентальность и устремленность в искусство будущего — в поток сознания, подтекст и т.д. Обратившиеся к переводу Т. Кина не просто читают другое слово «удвоить», они читают какую-то другую повесть, в которой нет тайны самого искусства, нет той «выси», где сплетаются тонкие нити связей и созвучий слов...

Большой интерес в плане нюансов и проблем перевода представляет одна из ранних повестей Достоевского «Белые ночи», главные персонажи которой носят откровенно символические имена. В обычном понимании, «имя» есть только у героини — Настенька, имен же двух связанных с ней мужчин, мы не знаем, но автор называет их Мечтатель и Жилец. Смысл этих имен-эпитетов лежит на поверхности, он совершенно прозрачен, тем не менее, далеко не всегда замечаем, особенно переводчиками. В рядоположении слов «мечтатель» и «жилец» видна антитеза, противопоставление того, кто «мечтает» тому, кто «живет». И в более глубоком и философском контексте — это одна

из важных парадигм, лежащих в основе концепции самой повести: драматическая встреча, столкновение мечты и действительности. В ином — конкретном, автобиографическом контексте — эта антитеза иносказательно и пророчески предсказывает то, что вскоре случится с самим Достоевским, что подтверждает и посвящение повести одному из петрашевцев. Такой ракурс придает сочетанию этих имен еще одно измерение и усиливает их почти мистическую значимость.

В переводе на английский язык слово «Dreamer» — «Мечтатель» не вызывает сомнений, но с переводом слова «Жилец» все сложнее. Английский вариант — «lodger» не передает необходимого значения «жить», а в контексте повести — «жить реальной жизнью», «быть носителем реальности», принадлежать жизни, а не мечтам. Таким образом, в английском тексте формула противопоставления «мечты» и «действительности» отсутствует. Однако, «lodger», как английский аналог слова «жилец», встречается практически во всех английских переводах, начиная с Констанс Гарнетт [Garnett, 1918] до Ольги Шарце [Shartse, 1998] и Дэвида Магаршак [Magarshack, 2001].

При этом в англоязычных пересказах или статьях «жильца», как правило, называют "tenant". Разница в том, что «lodger» — это тот, кто снимает жилье, внутри которого также живут и хозяева, а «tenant» — снимает жилье, где хозяев нет. Но, ни то, ни другое английское слово не создает важного намека на идейную антитезу. В английской интерпретации, где «имя» второго главного персонажа звучит примерно как «Квартиросъемщик» утрачивается все: и поэтичность текста, и его глубина, внутренний объем, и его концептуальный подтекст.

Размышляя о сложностях перевода, Т.А. Касаткина приходит к важнейшему выводу: «Фундаментальная проблема переводов текстов Достоевского на любые языки связана с тем, что он задействует в своем тексте слово не в его ограниченности контекстом, но в полноте его смыслового поля. Причем каждая из областей этого смыслового поля актуализируется в разных связях на разных уровнях, создавая очень глубокий текст очень высокой связности» [Касаткина, Кузнецова, 2020, с. 119]. Эту мысль напрямую можно отнести к проблеме перевода слова «жилец», смысл которого, в самом деле, не ограничивается исключительно контекстом повести, но и «актуализируется в разных связях на разных уровнях».

Эта же проблема явления слова «в полноте его смыслового поля» в не меньшей степени относится и к переводу романа «Преступление и наказание», в частности, переводу на английский язык,

о чем и пойдет речь. На эту тему написано немало работ и исследований. Многие обращают внимание на сложность перевода реалий, не существующих в иноязычной стране и, соответственно, где для них нет названий. В этом случае переводчик сталкивается с так называемой «безэквивалентной лексикой» и находит какие-то свои выходы из положения. Авторы затрагивают и такие темы, как «Сложности перевода реалий профессий и должностей в романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" на английский язык» [Яковлева, Камышева, 2022]. Есть интересная статья переводчика Оливера Реди о его собственном переводе романа (2014), где он отмечает сложности стилистики повторов, особенностей языка и так далее. Например, когда Раскольникова называют «батюшка», из вариантов «little father» и «father» он выбирает последнее [Реди, 2012, с. 88]. Надо сказать, что найти адекватное слово в английском языке в этом случае непросто. «На окружающих, как известно, Родион Раскольников производит хорошее впечатление: многие, в том числе убитая им Алёна Ивановна, называют его "батюшкой". Термином "батюшка", помимо отца и православного священника, издревле обозначалось родство по мужской линии: др.-русск. «бат» и укр. «батя» происходят от общего индоевро-пейского корня, который в греческом преобразовался в "patér" <...> Аффективность «батюшки» передается во всех переводах: "my good man"/"my good sir" у К. Гарнетт; "dearie"/"my dear" у П. и В.; наиболее точно — "father" в переводе О. Рэди» [Изволенская, 2018, с. 171]. Надо заметить, однако, что варианты "my good man"/"my good sir" или "dearie"/"my dear" лишены тех глубинных значений, о которых, в частности, говорит Т.А. Касаткина в работе, посвященной «творящей природе слова» у Достоевского: «Жертва его, Алена Ивановна, настойчиво называет Раскольникова "батюшка". Такое обращение слишком не соответствует ни возрасту, ни положению Раскольникова, чтобы быть случайным. Нужно вспомнить, что это — принятое обращение к священнослужителю, являющемуся для верующих зримым образом Христовым, являющему собой Христа. У Достоевского такое обращение всегда значимо, и его значение наиболее очевидно в обращении к умирающему Илюше ("Братья Карамазовы") его отца: "милый батюшка" <...>. "Батюшкой" навязчиво именует Раскольникова и Порфирий Петрович. Но Порфирий говорит и еще одну чрезвычайно важную вещь о Раскольникове: "Что ж, что вас, может быть, слишком долго никто не увидит? Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде

всего надо быть солнцем". Солнце — традиционное в христианстве именование Иисуса Христа» [Касаткина, 2004, с. 215].

Отсюда становится понятно, сколь значимо и само слово «батюшка» и его перевод. В этом плане, действительно, наиболее соответствует глубинному подтексту и возможности его прочтении в переводе, избранное Реди «father» (отец), что в русском языке также имеет двойной, даже тройной смысл — отец по крови, отец духовный и разговорное обращение, примерно как Федор Павлович Карамазов обращается к сыну Ивану: «Отец ты мой родной» [Достоевский, 1972–1990, т.14, с. 252] — обращение, сходное по возможностям употребления со словом «батюшка».

Я коснусь вопроса перевода только двух слов в «Преступлении и наказании», но именно таких слов, которые в своем подтексте содержат, как представляется, основную концептуальную линию романа. Речь идет о двух повторяющихся эпизодах, когда Раскольников движется, как пьяный и в его адрес раздаются слова прохожих. Первый раз — сразу после преступления, в 7-ой главе первой части и второй — в главе 8-ой финальной части романа. В первом случае из толпы раздается возглас: «"Ишь нарезался!" — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву» [Достоевский, 1972–1990, т.6, с. 70]. Ближе к концу романа, уличная реплика, обращенная к Раскольникову, почти повторяется: «Ишь нахлестался! — заметил подле него один парень» [Достоевский, 1972–1990, т.6, с. 405].

Слова «нарезался» и «нахлестался» с трудом поддаются дословному переводу, и в лучшем случае можно найти разговорные, жаргонные или идиоматические выражения, означающие состояние сильного опьянения. Именно по этому пути идут переводчики романа на английский язык, разнообразными «народными выражениями» передавая ироничное обличение в пьянстве. Приведу несколько примеров, начиная с самого первого, автор которого Фредерик Джеймс Уишоу (Frederick Whishaw, 1854–1934), британский писатель, историк, поэт и музыкант, родившийся в России. Его перевод датируется 1885 годом и с тех пор не раз переиздавался, хотя не всегда с указанием имени переводчика, как например, в издательстве «Wordsworth Classics». В переводе Уишоу фраза «нарезался!», брошенная Раскольникову в первой части романа, звучит как: «"I think you've had your fill!" shouted someone who took him for a drunken man as he reached the canal bank» [Dostoevsky, 1993, p. 69] — это уже своего рода комментарий в тексте, указание на то, что прохожий принимает Раскольникова

за пьяного. Само же выражение «you have had your fill of something» — идиома, означающая, что-то типа «с него хватит», «перебрал» и в принципе что-то, что человек не хотел бы больше съесть, выпить или испытать. Вторую ситуацию со словом «нахлестался!» Уиншоу переводит как: «“There’s a fellow who has got a tile loose!” observed the lad standing by» [Dostoevsky, 1993, p. 385] — словосочетание «have a tile loose» означает «не все дома» или что-то вроде «этот парень не в себе!». Перевод первой реплики, найденный Уиншоу, представляется более или менее близким к тексту, т.к. намекает на что-то нежелательное и чрезмерное. Однако, судя по переводу реплики из финальной части романа, автор англоязычного текста не уловил «подводного течения» этих двух эпизодов и связи между ними.

Еще одно издание романа в Англии, более столетней давности (1914) — известной переводчицы Констанс Гарнетт (Constance Clara Garnett, 1861–1946), которая представила на английском около 70 произведений русской классики — Толстого, с которым она встречалась в Ясной Поляне, Достоевского, Чехова и других. Ее переводы до сих пор переиздаются и достаточно популярны, однако, не все были высокого мнения о них, включая Набокова и Бродского, который утверждал: «Причина того, что англоговорящие читатели едва ли могут объяснить разницу между Толстым и Достоевским, заключается в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанс Гарнетт» [Remnick, 2005]. В ее переводе эпизод со словом «нарезался» звучит как «“My word, he has been going it” someone shouted at him» [Dostoevsky, 2004, p. 126]. Выражение «go it» — на сленге означает «делать что-то или двигаться слишком энергично», а применительно к контексту, может на неформальной лексике звучать как «набрался».

Второй случай, со словом «нахлестался» Гарнетт перевела следующим образом:

«“He’s boozed,” a youth near him observed». Выражение «to be boozed» соответствует русскому — «быть пьяным» а, применительно к ситуации, в просторечии — «нализался», «наклюкался» и т.д. Одним словом, скрытый смысл, заложенный в этой связке эпизодов романа в переводе Гарнетт не отражен, то есть он был, скорее всего, не замечен и, соответственно, не раскрыт.

Следующий переводчик Julius Katzer малоизвестен, однако именно в его интерпретации был издан на английском роман «Преступление и наказание» московским издательством «Радуга» в 1985

и 1989 годы. Интересующие нас эпизоды переведены им следующим образом: «нарезался» — «“Had a drop too much, eh?” somebody called out» — где «have a drop» как идиома означает «выпить спиртного», но слово «drop» само по себе имеет два значения: «капля» и «опрокинуть». Иными словами, это английское выражение может быть переведено более разговорно, как «опрокинул стаканчик» и т.д., но, учитывая контекст, в этом выражении, взятом целиком: «had a drop too much», — можно услышать намек на капли, которых было слишком много в момент убийства. Это, пожалуй, самое близкое к тому, что звучит в подтексте оригинала — «нарезался», направление мысли может здесь быть очень близким.

Второй эпизод со словом «нахлестался» Katzer переводит так: «“Must be on the booze”, remarked a youth near him» [Dostoevsky ,1989, p. 561], где «be on the booze» означает пьянствовать, «быть в запое». Автор этого перевода так же, как и его предшественники, не связывает две схожие сцены, не услышав в них намеки на определенную антитезу, на что-то очень важное в идейном движении романа. И, возможно, первая его находка не обусловлена прочтением подтекста, или «игры слов», а была случайной удачей, видимо, не осознанной им самим.

Еще один перевод — Ричард Пивер и Лариса Волохонская (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky) — американская супружеская пара (Лариса — уроженка Ленинграда), чьи переводы русской литературы на английский широко известны, они завоевали немало наград, в том числе и первый приз Ефима Эткинда за перевод романа Достоевского «Идиот». Их «Преступление и наказание» вышло в свет в 1992 году. Посмотрим, как выглядят у них интересующие нас места. Первое — «нарезался» передано фразой «“There’s a potted one!” someone shouted at him as he walked out to the canal [Dostoevsky, 1993a, p. 86]. Выражение «to be potted» на сленге означает быть в состоянии сильного алкогольного (или наркотического) опьянения. Что касается слова «нахлестался», то в английской версии находим: «“This one’s plastered all right” a fellow near him observed [Dostoevsky, 1993a, p. 525]. На жаргоне (или в просторечии) “plastered” означает состояние сильнейшего опьянения, до отравления, интоксикации. Здесь, как видим, найдены разговорные выражения, передающие лишь один уровень значений, без намеков на двойные смыслы.

И, наконец, один из поздних переводов — 2014 года, который произвел, пожалуй, самое благоприятное впечатление на критиков и читателей — британского филолога-слависта, русско-английско-

го переводчика, преподавателя Оксфордского университета Оливера Реди (Oliver Ready), о чьей статье здесь уже шла речь. Небезынтересно отметить, что на обложке книги в его переводе — одна из иллюстраций Михаила Шемякина к роману — «Сон Раскольникова». Многие называют издание Реди шедевром и особенно отмечают чувство юмора, присущее этой работе. То есть юмор Достоевского стал своего рода открытием для англоговорящей читающей публики благодаря этому изданию. Оливер Реди также автор предисловия и — надо отдать должное — довольно подробных комментариев, данных в конце книги. В его английской трактовке слово «нарезался» передано выражением «“Drunk as a lord!” someone yelled out to him when he came out by the Ditch» [Dostoevsky, 2015, p. 105]. Выражение «drunk as a lord» можно перевести приблизительно, как «пьян в стельку» или «пьян, как сапожник». Это действительно звучит забавно, однако главного смысла, имеющего отношение к преступлению Раскольникова, не передает.

Для второй ситуации Реди нашел оборот «“He’s completely smashed!” observed a lad standing next to him» [Dostoevsky, 2015, p. 630], где «smashed» — дословно означает «быть разбитым», а на сленге — «вдрызг пьян». В этом варианте есть что-то созвучное слову Достоевского «нахлестался», есть какая-то коннотация боли и удара. Но, опять же, нет уверенности в том, что Реди действительно прочитал подтекст русских слов, особенно в их связке. В пользу этого предположения говорит то, что он не дал как раз к этим словам, их созвучиям, схожести и одновременно как бы противоположным смыслам, никакого комментария.

Существуют и более поздние переводы романа — 2017 год — Николас Пастернак Слейтер (Nicolas Pasternak Slater), племянника Бориса Пастернака, чей роман «Доктор Живаго» он перевел в 2019 году. Есть и перевод 2018 года — Майкла Р. Катца (Michael R. Katz), известного американского переводчика ряда произведений русской литературы. Разделы о переводах «Преступления и наказания» этими авторами и интересные сведения о них самих можно найти в содержательной статье Красавченко Т.Н. «Достоевский: новые англоязычные переводы и исследования» [Красавченко, 2018].

Как это не покажется удивительным, но есть и совсем новая работа 2022 года — английского профессора, знатока русской литературы Roger Cockrell, который в разные годы переводил целый ряд произведений Достоевского, Гоголя, Толстого, Чехова, Булгакова.

К сожалению, ни его новая работа, ни перевод Николаса Пастернака Слейтера были мне недоступны, и интрига их находок известных слов пока остается для меня открытой.

Но все же, коротко остановлюсь на переводе Майкла Р. Катца (Michael R. Katz), который на текущий момент можно назвать предпоследним. Этот перевод в своем роде уникален. В отдельных заметках о нем можно найти такие характеристики, как «ложный выбор» в отношении тех или иных вариантов слов, или: «an American simplicity and informality» [Wilson] («американская простота и неформальность»). В чем же уникальность, неверность выбора и «американская простота» применительно к тем конкретным двум словам, о которых здесь идет речь?

В английском языке, как и в русском, существует немало идиоматических, народных, разговорных выражений для обозначения состояния опьянения. Однако из всего спектра возможностей, Майкл Кац избирает фразеологизм совершенно непредсказуемый в данном контексте — «drunk as a skunk» — что на сленге может соответствовать чему-то вроде «пьяный в стельку», а дословно: «пьян как скунс». Вообще, оборот «пьян как...» (drunk as...) возник в английском языке еще в 14 веке у Чосера в «Кентерберийских рассказах» (1385), где не раз встречается такой пассаж: «drunk as a mouse» (пьян как мышь) [Grammarphobia].

С тех пор на протяжении более шести веков эта идиома обогащалась самыми разнообразными животными (кстати, присутствующими с тем же смыслом и в русской неформальной лексике), начиная со «свиньи», «собаки», «кота», «осла», «козла» и многими другими вплоть до «скунса». И Michael Katz из всех выбирает не кого-нибудь, а скунса, обитающего в основном в Америке и никак не вяжущегося с «фольклором» зевак Петербурга Достоевского. Но подобное соображение, никак не смутило переводчика, напротив, «скунс» видимо как-то особенно понравился ему и он, единственный из всех, приведенных выше авторов, использует одну и ту же — в его случае, типично американскую — аллюзию дважды. В первый раз, когда у Достоевского кто-то кричит Раскольникову «Ишь нарезался!», читаем: «“Drunk as skunk!” someone shouted at him when he came out to the canal» («Пьян, как скунс!»), см.: [Dostoevsky, 2018]. Во втором эпизоде, когда один парень заметил в адрес Раскольникова: «Ишь нахлестался!», Michael Katz лишь добавляет «he is», так что в конечном итоге получилось незатейливое: «“He is drunk as a skunk!” said a young man who was next

to him» («Он пьян, как скунс!»). Мало того, что это самый неудачный или «ложный» выбор идиомы, он еще и повторяется. Одно можно сказать в пользу этого — автор все же заметил некую повторяемость этих эпизодов и, может быть, как-то по-своему это подчеркнул. Но в этом контексте, говорить о внимании к двойным смыслам ключевых слов просто не приходится.

Но почему вообще эти слова ключевые, и почему стоит на них заострить внимание?

На самом деле, они по своему иносказательному смыслу тесно связаны с еще одной темой конференции — «Преображение человека в “Преступлении и наказании”». Слова эти, расположенные соответственно в начальной и финальной частях романа, можно сравнить с точками А и Б того сложного внутреннего пути человека, о котором писал Бердяев, называвший романы Достоевского «трагедиями», рожденными «дионисийством». Именно в этом контексте видятся эпизоды, когда Раскольникова принимают за пьяного. Выкрики из толпы — подобны греческому хору, коллективному участнику драматического представления, который в античности помогал автору в раскрытии смысла трагедии и душевных переживаний его героев, давал нравственную оценку их поступков. Как говорит Бердяев: «Все его романы-трагедии — испытание человеческой свободы. Человек начинает с того, что бунтующе заявляет о своей свободе, готов на всякое страдание, на безумие, лишь бы чувствовать себя свободным. И вместе с тем человек ищет последней, предельной свободы. Существуют две свободы: первая — изначальная свобода и последняя — конечная свобода. Между этими двумя свободами лежит путь человека, полный мук и страданий, путь раздвоения» [Бердяев,1994, с. 44–45].

Этот начальный бунт сформулирован «хором» в слове «нарезался». Как отмечает Т.А. Касаткина: «Когда Раскольников возвращается в свою каморку после совершения преступления, ноги его еле держат и его качает. Ему кричат: “Нарезался!” В узком ситуативном контексте слово это обозначает: “Напился”. Но в романе “Преступление и наказание” слово начинает звучать как обличение, как указание на только что совершенное героем преступление». [Касаткина, 2004, с. 43]. В этом обличительном слове обозначен путь обманчивой свободы, поначалу избранный Раскольниковым. В дальнейшем, словом «нахлестался» иносказательно обозначается трудный путь, ведущий к «конечной свободе», которую дает Христос и которую человек «должен свободно принять». Это жаргонное слово, которое относится

к внешнему, как бы пьяному виду Раскольникова, метафорически дает намек на его «самобичевание», намек на то наказание, которое он на протяжении романа вынашивает в себе самом. И дальнейший комментарий из «хора»: «Это он в Иерусалим идет, братцы» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 405] подтверждает эту мысль.

В самом деле, почти повторяющиеся восклицания подобны репликам «хора», чьи «партии и поныне помогают понять философский и человеческий смысл трагедии в плане решения основного конфликта» [Бояджиев, 1971, с. 22]. И «основной конфликт» здесь не в том, что Раскольников идет, как пьяный (хотя это важно, поскольку говорит о его внутреннем состоянии), и не в том, что это смешно окружающим и, может быть, читателю, а в том, что он «нарезался» и «нахлестался» в иносказательном смысле: свершил преступление и морально «исхлестал» себя после этого. По сути, весь путь Раскольникова в пространстве романа — мучительный путь от преступления через внутреннее наказание, через боль мучительных мыслей и переживаний — в направлении его «воскресения», его символического Иерусалима.

Именно поэтому означенные два слова — внешне, казалось бы, об одном и том же — нельзя поменять местами. В этом случае была бы нарушена внутренняя схема, и даже суть романа. В них заключена формула внутреннего движения идей: от преступления к наказанию. В переводах же их суть стирается, остается только внешний, поверхностный слой. И это говорит о значимости каждого слова и о сложностях его переложения на иностранный язык. Практически во всех приведенных отрывках отсутствуют, всплывающие — как в гештальт-рисунках, образы второго сюжета — намеки и на преступление, и на наказание, что является серьезной утратой. По поводу подобных ситуаций Т.А. Касаткина высказывает следующую мысль: «Поскольку смысловые поля слов разных языков не совпадают полностью, какие-то из смысловых линий текста неизбежно будут утрачены» [Касаткина, 2020, с. 119]. В данном случае, одну из важнейших «смысловых линий текста» представляют слова, о которых здесь шла речь. При этом, они не поддаются переводу со всей полнотой их смысла. Наверное, в подобных случаях требуются определенные комментарии. Правда, для того, чтобы возникла мысль об их необходимости, у переводчика должно быть ясное понимание того, с какой именно сложностью он столкнулся.

Взятые для примера отдельные слова — «удвоить» вместо «утроить» в «Пиковой даме» Пушкина, «квартиросъемщик» вместо «жилец» в «Белых ночах» Достоевского и, наконец, «напился» вместо «нарезался» и «нахлестался» в «Преступлении и наказании» Достоевского — лишний раз показывают, насколько сложна и ответственна работа переводчика художественного текста, тем более текста, каждое слово которого устремлено в «божественную высь» своих означаемых, своих скрытых смыслов.

Не менее сложна и ответственна работа того, кто переводит роман на язык кино, требующая не меньшего внимания к скрытым смыслам текста, и создания своих — визуальных образов ключевых идей. В фильме «Преступление и наказание» Л. Кулиджанова (1969) нет сна Раскольникова о лошади и других снов романа — и не потому, что, как объясняют иногда ученикам — это сложно показать на экране. Причина в том, что художник другого вида искусства говорит на своем языке. Но у режиссера возникает другой сон, где зашифровано что-то очень близкое концептуальной сути слов «нарезался» и «нахлестался». Это буквально первые кадры, когда Раскольников бежит от полиции, подбегая к каналу, вспугивает стаю голубей и, выбежав на мост, бросается с него в воду. В этом кино-сне присутствует тот самый канал (или «канава»), есть бег от полиции — мотив преступления, есть голуби и падение в воду. Сочетание погружения в воду и голубя наводят на мысль о крещении в Иордане, которое еще называют «погружение» («баптисма»), сопровождавшееся явлением Святого Духа в образе Голубя. «Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь» (Лк. 3, 22). Обряд Иоанна Предтечи стал началом крестного пути Спасителя в Иерусалим, к его воскрешению. По этому же пути пройдет и Раскольников.

Так за короткий миг кинокадра метафорически показан путь Раскольникова от преступления к наказанию и возрождению — то, что кроется у Достоевского в словах «нарезался» и «нахлестался» и в реплике про его путь «в Иерусалим». В описанном эпизоде фильма, кажется, больше верности роману, чем во всех приведенных выше примерах. Здесь на иной — визуальный — язык переведены не сами слова Достоевского, а закодированные в них смыслы. В таком переводе и в самом деле «откуда ни возьмись» возникает та божественная высота, которая присуща оригиналу.

Список литературы

1. Бердяев, 1994 – *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство. 1994. Т. 2. С. 9–150.

2. Бояджиев, 1971 – *Бояджиев Г.Н.* История зарубежного театра. Театр западной Европы. М.: Просвещение, 1971. Ч. I. 360 с.

3. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Изволенская, 2018 – *Изволенская А.С.* "Crime and Punishment": О вербализации ключевых понятий в переводах романа Ф.М. Достоевского // Вестник Московского Университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №2. С. 167–174.

5. Касаткина, 2004 – *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

6. Касаткина, Кузнецова, 2020 – *Касаткина Т.А., Кузнецова А.Б.* Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 117–133. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133

7. Красавченко, 2018 – Красавченко Т.Н. Достоевский: новые англоязычные переводы и исследования. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2018. №3. С. 129–138.

8. Пушкин, 1959–1962 – *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

9. Реди, 2012 – Реди О. О новом переводе «Преступления и наказания» на английский язык // Тропа. Современная британская литература в российских вузах. 2012. № 6. С. 83–89.

10. Чуковский, 1968 – *Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968. 382 с.

11. Яковлева, Камышева, 2022 – *Яковлева Л.Н., Камышева О.С.* Сложности перевода реалий профессий и должностей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на английский язык // Вестник Шадринского Государственного Педагогического Университета. 2022. № 1 (53). С. 115–117.

12. Dostoevsky, 1989 – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment / trans. by Juilius Katzer. M.: Raduga, 1989. 585 p.

13. Dostoevsky, 1993 – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment / trans. by Frederick Whishaw. London: Wordsworth Classics, 1993. 402 p.

14. Dostoevsky, 1993a – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment / trans. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. NY: Vintage Books, 1993. 564 p.

15. Dostoevsky, 2004 – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment / trans. from the Russian by Constance Garnett. London: Collector's Library, 2004. 735 p.

16. Dostoevsky, 2015 – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment / trans. and ed. material by Oliver Ready. UK: Peguin Classics, 2015. 702 p.

17. Dostoevsky, 2018 – *Dostoevsky F.* Crime and Punishment. A New Translation by Michael R. Katz. NY, 2018. 624 p.

18. Garnett, 1918 – *Garnett C.* White Nights and Other Stories by Fyodor Dostoyevsky. NY: The Macmillan Company, 1918. 300 p.

19. Grammarphobia – Grammarphobia. URL: https://www.grammarphobia.com › 2020 (дата обращения: 15.01.2023).

20. Magarshack, 2001 – The Best Short Stories of Fyodor Dostoevsky / trans. with an Introduction, by David Magarshack. NY: The Modern Library, 2001. 292 p.

21. Pushkin, 1994 – *Pushkin A.* The Queen of Spades and Other Stories / trans. from the Russian by T. Keane. NY: Dover Publications, 1994, 85 p.

22. Remnick, 2005 – *Remnick D.* The Translation Wars // The New Yorker. 2005. November 7. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars (дата обращения: 15.01.2023).

23. Shartse, 1988 – *Dostoevsky F.* Stories. White Nights. Olga Shartse translation, M.: Raduga, 1988. 383 p.

24. Wilson – *Wilson J.* The Nation: "Floating in the Air" URL: https://www.thenation.com/article/archive/the-world-of-crime-and-punishment/ (дата обращения: 15.01.2023).

References

1. Berdiaev, N.A. "Mirosozertsanie Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Worldview"]. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [*The Philosophy of Creation, Culture, and Art*], vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 9–150. (In Russ)

2. Boiadziev, G.N. *Istoriia zarubezhnogo teatra. Teatr zapadnoi Evropy* [*History of Foreign Theatre. Theatre in Western Europe*], part I. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 360 p. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Izvolenskaia, A.S. "'Crime and Punishment': O verbalizatsii kliuchevykh poniatii v perevodakh romana F.M. Dostoevskogo" ["*Crime and Punishment*: About the Verbalization of Key Concepts in the Translations of Dostoevsky's Novel"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, 2018, pp. 167–174. (In Russ.)

5. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyschem smysle"* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A., and Kuznetsova, A.B. "Problemy perevoda Dostoevskogo" ["Dostoevsky: Translation Problems"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (12), 2020, pp. 117–133. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133

7. Krasavchenko, T.N. "Dostoevskii: novye angloiazychnye perevody i issledovaniia. (Obzor)" ["Dostoevsky: New English Translation and Research (Overview)"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 7: Literaturovedenie*, no. 3, 2018, pp. 129–138. (In Russ.)

8. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Collected Works: in 10 vols*]. Moscow, GIKhL Publ., 1959–1962. (In Russ.)

9. Ready, O. "O novom perevode 'Prestupleniia i nakazaniia" na angliskii iazyk" ["About the New English Translation of *Crime and Punishment*"]. *Tropa. Sovremennaia britanskaia literatura v rossiiskikh vuzakh*, no. 6, 2012, pp. 83–89. (In Russ.)

10. Chukovskii, K.I. *Vysokoe iskusstvo* [*A High Art*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1968. 382 p. (In Russ.)

11. Iakovleva, L.N., and Kamysheva, O.S. "Slozhnosti perevoda realii professii i dolzhnostei v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie' na angliiskii iazyk" ["The Difficulties of Translating Realia of Professions and Positions in F.M. Dostoevsky's *Crime and Punishment* in English"]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 1 (53), 2022, pp. 115–117. (In Russ.)

12. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* Trans. by Juilius Katzer. Moscow, Raduga, 1989. 585 p. (In English)

13. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* Trans. by Frederick Whishaw. London, Wordsworth Classics, 1993. 402 p. (In English)

14. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* Trans. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York, Vintage Books, 1993. 564 p. (In English)

15. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* Trans. from the Russian by Constance Garnett. London, Collector's Library, 2004. 735 p. (In English)

16. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* Trans. and ed. material by Oliver Ready. UK, Peguin Classics, 2015. 702 p. (In English)

17. Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment.* A New Translation by Michael R. Katz. New York, 2018. 624 p. (In English)

18. Garnett, Constance. *White Nights and Other Stories by Fyodor Dostoyevsky*. New York, The Macmillan Company, 1918. 300 p. (In English)

19. *Grammarphobia*. URL: https://www.grammarphobia.com (Accessed 15 Jan. 2023).

20. Magarshack, David, translator. *The Best Short Stories of Fyodor Dostoevsky*. New York, The Modern Library, 2001. 292 p. (In English)

21. Pushkin, Aleksandr. *The Queen of Spades and Other Stories.* Trans. from the Russian by T. Keane. New York, Dover Publications, 1994. 85 p. (In English)

22. Remnick, David. "The Translation Wars." *The New Yorker*, 7 Nov. 2005, https://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars (Accessed 15 Jan. 2023) (In English)

23. Dostoevsky, Fyodor. *Stories. White Nights.* Trans. by Olga Shartse. Moscow, Raduga, 1988. 383 p. (In English)

24. Wilson, Jennifer. "Floating in the Air." *The Nation*, 22 March 2018, https://www.thenation.com/article/archive/the-world-of-crime-and-punishment/ (Accessed 15 Jan. 2023) (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.02.2023
Одобрена после рецензирования: 11.02.2023
Принята к публикации: 15.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 09 Feb. 2023
Approved after reviewing: 11 Feb. 2023
Accepted for publication: 15 Feb. 2023
Date of publication: 25 March 2023